

Елена Пчелинцева

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4472-429X>

Черкасский государственный технологический университет, Украина

e-mail: o.pchelintseva@chdtu.edu.ua

Спасение или спасание, или нужна ли категория вида русским отглагольным именам

DOI 10.25951/4796

Лингвистические явления переходного характера, находящиеся в периферийных «серых» зонах и сочетающие различные категориальные признаки, всегда вызывают любопытство исследователей, поскольку позволяют увидеть свойства, скрытые от непосредственного наблюдения. Одним из таких интересных объектов изучения является отглагольное имя существительное со значением действия, процесса или состояния (*накопление, разработка, взятие, прыжок, чтение, оцепенение* и т.п.). С одной стороны, эти производные существительные естественным образом получают ряд субстантивных свойств, именные грамматические категории (род, падеж, частично – число: *разработка* (ед.ч.) – *разработки* (мн.ч.), но *борьба* (ед.ч.) – $\emptyset$). Вместе с тем они теряют глагольные категории времени, залога, лица и наклонения, что тоже выглядит вполне закономерно. Переходность / непереходность существенно модифицируется и выражается в выборе падежа зависимого существительного в словосочетании (типа *читать книгу* (винительный падеж) → *чтение книги* (родительный падеж), но *путешествовать по стране* (дательный падеж) → *путешествие по стране* (дательный падеж)). Частично сохраняются рефлексы семантического признака каузативности / некаузативности (*отрастать* → *отрастание*; *отращивать* → *отращивание*), формальные показатели возвратности (*-ся*) (в отличие от польских и чешских девербативов) полностью утрачиваются. Но указанные особенности, как правило, не вызывают вопросов. Между тем споры вокруг наличия категории (семантики) вида у таких существительных продолжаются уже более 100 лет [обзор см. в: Pchelintseva 2016: 33–40, Mironov 2008: 19–25], наиболее крайние точки зрения представлены в работах Е.А. Иванниковой (1972) и В.Н. Хохлачевой (1969), ср.:

Категория вида присутствует у всех имен действия, независимо от их аффиксальной характеристики [Ivannikova 1972: 115];

Категории вида у отглагольных имен не существует и никогда не было [Khokhlacheva 1969: 45–53].

Разумеется, попытки решения вопроса предпринимались не только в рамках традиционной формальной грамматики, но и с позиций классической и современной генеративистики [Comrie 1980, Tatevosov 2011], функциональной лингвистики [Urison 2014, Trub 2015], современных теорий словообразования [Zaliznyak 2007, Pazelskaya 2008]. Однако единого приемлемого для всех ответа до сих пор не существует.

Известны различные методики обнаружения тех или иных системных языковых явлений: мы можем сделать это с помощью интроспекции, с помощью сплошного анализа словарей, можем опереться на данные языковых корпусов или других текстовых массивов, а также провести опрос носителей языка (в более сложном варианте – организовать лингвистический эксперимент). В этой статье мы ставим перед собой довольно скромную задачу: с помощью лингвистического опроса носителей русского языка проверить, воспринимаются ли говорящими оттенки глагольного вида в существительных со значением действия, и от каких факторов это зависит.

На вопросы анкеты отвечали учащиеся выпускных классов школ г. Новосибирска и студенты нефилологических факультетов Новосибирского государственного педагогического института (общее количество анкет – 117). Образец анкеты приведен в конце статьи.

Нас интересовало следующее: 1) учитывает ли носитель языка аспектуальные оттенки имен действия (обусловленные, с одной стороны, семантикой унаследованных глагольных имперфективных суффиксов, с другой стороны – семантикой суффиксов транспозиции), 2) в какой степени при выборе одной из двух или нескольких возможных форм говорящий ориентируется на аспектуальные особенности заданной или конструируемой фразы, – иными словами, есть ли в его языковом сознании корреляция между аспектуальной семантикой фразы и некими «аспектуальными показателями» отглагольного имени действия.

Было предложено два основных типа заданий: 1) выбрать из нескольких предложенных вариантов имен действия наиболее подходящую лексему для заданной фразы с явно выраженной аспектуальной семантикой и 2) составить предложение с заданным именем действия. В первом случае нас интересовало, какое именно существительное из списка будет выбрано для конкретной фразы (с глагольным видовым суффиксом или без него, с каким транспозиционным суффиксом *-ниj(e)*, *-к(a)* или $\emptyset$), а во втором – фразы с какой именно аспектуальной семантикой будут составлены респондентами.

Для изучения влияния глагольного имперфективного суффикса и предполагаемого функционального сохранения «видовой» парности имен действия респондентам была предложена пара отглагольных имен спасение / спасание и два предложения из художественных текстов с пропущенными словами. Несмотря на то, что лексема спасание, судя по результатам запросов в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), является гораздо менее употребительным, чем спасение (95 вхождений *спасание* против 19008 вхождений *спасение*, запрос: nom|gen|gen2|dat|acc|acc2|ins|loc|loc2),(sg|pl),n, дата обращения 11.11.2021), и, в общем, мы ожидали, что в большинстве случаев информанты выберут именно вариант спасение, тем не менее в предложение с конкретно-процессным значением 80 информантов включили существительное на *-ание*, соотносительное с глаголом НСВ:

(1) *Подоспел миноносец «Бравый» и тоже занялся спасанием людей* (А. Новиков-Прибой) = «начал спасать» НСВ.

В перфективном значении (= «спасти» СВ) в 100% случаев был употреблен девербатив на *-ение*:

(2) *От жары не было спасенья* (И. Ильф, Е. Петров).

Любопытно, кстати, что именно таким лексемам отдали предпочтение и сами авторы литературных произведений.

Респондентам также было предложено составить небольшие предложения со словами *выздоровление / выздоравливание*. Результат также оказался статистически значимым: «перфективное» имя *выздоровление* 82 человека употребили в результативном значении, например:

(3) *После окончательного выздоровления мне позволили заняться спортом,*
и только 28 – в значении процесса:

(4) *Мое выздоравливание было долгим и тяжелым.*

И наоборот: 94 респондента включили «имперфективное» имя *выздоравливание* в контекст с актуально-длительным значением, причем в большинстве случаев с обстоятельствами, указывающими на его длительность, вот типичный пример:

(5) *Процесс выздоравливания затянулся на долгие недели.*

Употребление «имперфективного» девербатива в явно результативном значении обнаружилось лишь в двух анкетах, и, по всей видимости его корректность может быть подвергнута сомнению: *Консервативное лечение привело к выздоравливанию*. Здесь можно было бы возразить, что на выбор повлияла очевидная парность имен действия, но аналогичный результат был получен и с отдельным, не имеющим пары, девербативом *выслеживание*: в 111 случаях из 117-ти он употреблен в процессуальном значении (типичный пример:

(6) *В процессе выслеживания зверя охотник должен сохранять спокойствие).*

Таким образом, данные опроса в некоторой степени подтвердили мысль о том, что сохранение глагольного имперфективного суффикса в отглагольном имени способствует усилению аспектуальных признаков продолжительной длительности или повторяемости выражаемого отглагольным именем действия. В качестве симпатичной иллюстрации этого утверждения приведем два не требующих комментария примера употреблений окказиональных «имперфективных» вариантов имен действия в коммуникативных ситуациях, когда автору, по всей видимости, требовалось акцентировать повторяемость или длительность действия:

– фрагмент беседы автора с Асей (6 лет, живет в Санкт-Петербурге): *«У тебя тренер по айкидо строгий? – Да. А раньше был нестрогий. Но его уволили за опаздывания. – А он опоздал один раз? – Нет, он все время, постоянно опаздывал»;*
из интернет-диалога: *Сколько времени стоит дать на очухивание после предыдущего брака порядАШной девушке* (Источник: <https://qna.center/question/462309>).

Для выяснения аспектуальной роли транспозиционных суффиксов респондентам было предложено выбрать для предложений с пропущенными словами наиболее подходящие по значению имена действия из синонимического ряда, который содержал 6 существительных с разными суффиксами (*раскол, разлом, расколка, разделение, разламывание, раскалывание*). Одна из фраз предполагала явную завершенность процесса, обозначенного именем действия, а вторая – длительность:

(7) Из-за _____ льда мы не могли двигаться дальше.

(8) Хозяйка занималась _____ на части огромного куска черного шоколада.

Для конструкции со значением завершенности 90 респондентов (76%) выбрали существительное с нулевым суффиксом; типичный пример:

(9) Из-за **разлома / раскола** льда мы не могли двигаться дальше.

В предложение с актуально-длительным значением 110 информантов (94%) вставили имя действия на *ивание* (здесь выбор легко объясняется наличием имперфективного суффикса *-ыва-*) или на *-ние*, и в этом случае можно усмотреть влияние транспозиционного суффикса *-ниј(е)*:

(10) Хозяйка занималась **разламыванием / разделением** на части огромного куска черного шоколада.

В другом задании было предложено выбрать для словосочетаний с фазовыми или результативными глаголами одно имя из пары однокоренных (*начать / сделать + перепечатывание / перепечатка*). Сочетание с фазовым глаголом актуализирует процессуальность, а с результативным – завершенность действия. Результаты оказались интересными: из пары *перепечатывание / перепечатка* 90 информантов употребили существительное с имперфективным суффиксом в сочетании с фазовым глаголом: *начать перепечатывание*, – а девербатив с *-к(а)* – в словосочетании с результативным глаголом: *сделать перепечатку*. Остальные 27 человек в обоих случаях выбрали одно и то же слово. В сочетание с результативным глаголом слово *перепечатывание* включили лишь 15 информантов из 117 (*сделать перепечатывание статьи*).

Аналогичное задание было поставлено и для пары *закупание – закупка*, однако тут слово *закупка* было выбрано как для процессуального (103 ответа), так и для результативного (81 ответ) сочетания: (*заниматься закупкой продуктов – осуществить закупку оборудования*). Только треть опрошенных (36 человек) в этом задании сделали выбор, ориентируясь на суффиксы (в сочетании с фазовым глаголом – существительное с *-аниј(е)*, в сочетании с результативным глаголом – существительное с *-к(а)*). Позволим себе предположить, что причина заключается в неупотребительности слова *закупание* и функциональной универсальности *закупка*. Запрос в НКРЯ: *закупка* – 2 593, *закупание* – 0 вхождений (запрос S & (nom | gen | gen2 | dat | acc | acc2 | ins | loc | loc2), дата обращения 11.11.2021), между тем Google дает единичные употребления, например:

(11) ...заодно лишен головняков связанных с **закупанием** жратвы в ашанах, подарков, наряжения елок и пр. (Режим доступа: <http://autolada.ru/viewtopic.php?t=340353>, дата обращения 01.11.2021).

Предполагаемое влияние суффикса *-ниј(е)* ограничивается по всей видимости не только частотностью лексем, но также и отсутствием коррелятивных образований. Существительное на *-ниј(е)*, не имеющее однокоренных девербативов и соотносящееся с обеими видовыми формами, воспринимается как аспектуально универсальное: в задании на составление предложения со словом *изучение*¹ оно было употреблено с приблизительно равной частотой в обоих аспектуальных значениях: 65 употреблений в значении процесса:

(12) *Студенты занимаются изучением психологии,*

52 – с предельным значением:

(13) *После изучения теории мы перейдем к практике).*

В то же время девербатив *признание*, образованный от глагола СВ *признать*, 111 информантов включили в конструкции с предельным значением, типичный пример:

(14) *Мне нужно было сделать признание в своей ошибке, –*

и всего 6 участников употребили его в значении процесса, например:

(15) *Признание в любви звучало недостаточно искренне.*

Примечательно также, что в контексте, допускающем синонимичное употребление видовых форм глагола (при нейтрализации видовых противопоставлений), распределение девербативов с *-ниј(е)* и $\emptyset$ оказалось равномерным: 49% употребили имена с *-ниј(е)*, 51% – с $\emptyset$:

(16) *Здесь Дон разлился широко, но все же глубина его была недостаточна для прохода / прохождения через гирло сорокапушечных кораблей (А. Толстой)*

(в оригинале – *прохождение*, ср.: *недостаточна для того, чтобы проходили корабли / недостаточна для того, чтобы прошли корабли*).

Интересный результат был получен и в задании на употребление существительных, образованных от двувидовых глаголов: выяснилось, что, несмотря на генетическую «двувидовость», респонденты обращают внимание на словообразовательный суффикс. 61 информант (52%) употребил в сочетании с фазовым глаголом слово *демонтирование*, а в сочетании с результативным глаголом – *демонтаж*: *начать демонтаж оборудования / произвести демонтаж оборудования*. Остальные использовали в обоих случаях одинаковые девербативы. Следовательно, половина опрошенных воспринимает в девербативах на *-ирование* оттенок длительности, а слова на *-аж* в большей степени ассоциирует с результатом действия.

Результаты опроса свидетельствуют о следующем. Хотя во многих случаях замена одного члена именной пары другим вполне возможна, респонденты чаще выбирают то существительное, которое наиболее точно обозначает действие с учетом его аспектуальной характеристики. Можно констатировать очевидное аспектуальное влияние

¹ ИЗУЧЕНИЕ, -я, ср. Действие по знач. глаг. изучить – изучать (МАС, т. 1: 656).

сохранившихся глагольных имперфективных суффиксов, а также транспозиционных суффиксов: при наличии выбора носители языка в большинстве случаев (до 94 %) выбирают для процессуальных конструкций имена с глагольным имперфективным суффиксом и / или с транспозиционным суффиксом *-nij(e)*. Влияние суффикса *-nij(e)* отчасти ограничивается видом мотивирующего глагола, отсутствием пары, а также частотностью самого девербатива. До 76% опрошенных выбирают девербатив с нулевым суффиксом или с *-k(a)* для выражения целостных, завершенных действий. Это зависимость не работает, если в активной лексике отсутствует существительное с другим суффиксом и, следовательно, такое имя действия «вынуждено» выражать все необходимые аспектуальные значения.

Итак, несмотря на отсутствие регулярных аспектуальных маркеров, отглагольное существительное со значением действия в русском языке является особым разрядом существительных. Они в значительной степени наследуют глагольную семантику и – при наличии подходящей коррелятивной пары – проявляют заметную тенденцию к видовой дифференциации в узусе. Однако разные варианты сочетаний нескольких факторов в конкретных лексемах (соотнесенность с глаголом определенного вида, наличие или отсутствие аспектуальных маркеров, тип транспозиционного суффикса, отсутствие коррелятивной пары, низкая употребительность в речи) может приводить к появлению у них идиосинкратичных аспектуальных особенностей. Перспективным представляется сравнительный анализ аспектуальных свойств этой категории существительных в разных славянских языках.

Библиография

- COMRIE, B. (1980), Nominalizations in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences. In: C.V. Chvany, R.D. Brecht (eds.), *Morphosyntax in Slavic*. Columbus, Ohio, 212–220.
- IVANNIKOVA, E.A. (1972), K voprosu ob aspekte izucheniya kategorii vida u otglagolnykh suschestvitelnykh v russkom yazike. *Izvestiya AN SSSR. Seriya lit. i yaz.* 31 (2), 113–120 [Иванникова, Е.А., К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке. Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 31 (2), 113–120].
- КНОКНЛАСНЕВА, V.N. (1969), *K istorii otglagolnogo slovoobrazovaniya suschestvitelnykh v russkom literaturnom yazike novogo vremeni*. Moskva, 45–53 [Хохлачева, В.Н., К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. Москва, 45–53].
- MIRONOV, D. (2008), *Glagolnost v sfere imen: k probleme semanticheskogo opisaniya deverbativov (na materiale russkogo yazika)*. Tallinn [Миронов, Д., Глагольность в сфере имен: к проблеме семантического описания девербативов (на материале русского языка). Таллинн].
- PAZELSKAYA, A.E., TATEVOSOV, S.G. (2008), Otglagolnoe imya i struktura russkogo glagola. V: Plungyan, V.A., Tatevosov, S.G. (red.), *Issledovaniya po glagolnoy derivatsii*. Moskva, 348–380 [Пазельская, А.Е., Татевосов, С.Г., Отглагольное имя и структура русского глагола. В: Плунгян, В. А., Татевосов, С. Г. (ред.), Исследования по глагольной деривации. Москва, 348–380].
- PCHELINTSEVA, E.E. (2016), *Ot glagola k imeni: aspektualnost v russkikh, ukrainskikh i polskikh imenakh deystviya*. Sankt-Peterburg [Пчелинцева, Е.Э., От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. Санкт-Петербург].
- TATEVOSOV, S. (2011), Severing Perfectivity from the Verb. *Scando-Slavica*. 57(2). 216–244.

- TRUB, V.M. (2015), K probleme interpretatsii vidovoy sootnesennosti otglagolnikh suschestvitel'nykh. V: *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya*. Kioto, 299–306 [ТРУБ, В.М., К проблеме интерпретации видовой соотнесенности отглагольных существительных. В: *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Киото, 299–306].
- URISON, E.V. (2014), Chastniye znacheniya nesovershennogo vida v semantike russkogo suschestvitelnogo. *Scando-Slavica*. 60(2). 366–382 [УРЫСОН, Е.В., Частные значения несовершенного вида в семантике русского существительного. *Scando-Slavica*. 60(2). 366–382].
- ZALIZNYAK, A.A. (2007), Svyaz otglagolnikh suschestvitel'nykh na -nie, -tie s glagolnim vidom. V: *Terra balkanica. Terra slavica: K yubileyu T. V. Tsivyayn*. Moskva, 43–51 [ЗАЛИЗНЯК, А.А., СВЯЗ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА -НИЕ, -ТИЕ С ГЛАГОЛЬНЫМ ВИДОМ. В: *Terra balkanica. Terra slavica: K юбилею Т. В. Цивьян*. Москва, 43–51].

Elena Pchelintseva

Cherkasy State Technological University, Ukraine

Spasenie or Spasanie, or Do Russian Verbal Nouns Need a Category of Aspect?

S u m m a r y

Verbal nouns with the meaning of action in Russian are a special class of nouns. The article attempts to check whether speakers perceive nuances of the verbal aspect in nouns with the meaning of action, and what factors it depends on. The results of a linguistic survey of native speakers of Russian are presented. Russian verbal noun largely inherit verbal semantics and – in the presence of a suitable correlative pair – exhibit a marked tendency toward aspectual differentiation in usus. However, the combination of several factors in specific lexemes (correlation with a verb of a certain aspect, presence or absence of aspectual markers, type of transpositional suffix, absence of a correlative pair, low usage in speech) can lead to the appearance of idiosyncratic aspectual features in them.

Keywords: verbal nouns, nomina actionis, verb, noun, verbal properties, aspectuality, perfective, imperfective, suffix, prefix.